

Письма из 1916 года

(Письма из действующей армии в Петроград
и из Петрограда в действующую армию)

История Петербурга | №77 | 2019

Аннотация. В этой публикации – переписка военного времени между мужем и женой – Михаилом Дмитриевичем Семеновым-Тян-Шанским и Эмми Андреевной (в девичестве – Вайолетт). Переписка охватывает события мая-декабря 1916 г. В этом номере публикуется вторая часть переписки: конец сентября – ноябрь 1916 г.

Ключевые слова. Первая мировая война, Петроград, фронт, действующая армия, семья, М.Д. Семенов-Тян-Шанский, Э.А. Вайолетт.

(Продолжение следует)

28 сентября 1916 г.

Дорогая Булинька,

Сегодня получил от тебя сразу четыре письма и одну открытку от Андрея Петровича¹. Большое спасибо за то, что ты не ленишься писать мне, очень радостно получать вести из дома, особенно когда томишься без дела, как я теперь. Мое положение нисколько не изменилось, я все время нахожусь при обозе, полк же по-прежнему на позиции. Погода превосходная, тепло, каково не было у вас на даче. Солнце светит вовсю, теплый ветер с юга — чего же лучше, а по ночам знаменитая малороссийская луна освещает своим таинственным светом белые хаты. На фронте по-прежнему канонада, у нас на позициях тихо.

Ну, пока всего хорошего. Извини, что мало пишу, — но не хочу ничего писать. Целую тебя и детей. Храни вас Христос. Сегодня выяснилось, что я назначен в учебную команду — временно. Т.е., временно я буду существовать при обозе 2-го разряда.

30 сентября 1916 г.

Дорогая Булинька,

Все идет по-прежнему — я в обозе, полк на позиции. Погода хуже стала, и от ее меланхолического настроения меланхолия проникает в душу и становится очень тоскливо. Но это преходящая ерунда. Вот что: очень прошу тебя пойти к Вольфу² и купить или переслать мне книгу В. Джемса³, название ее я забыл, — но о ней всегда говорил Лёля⁴, она есть у Вани⁵, и я ее хотел купить, когда мы жили с тобой в Левашове. Ну, Христос с тобой. Целую тебя и детей. Напиши, как у вас обстоит с кухаркой и получением из полка продуктов. Привет всем.

3 октября 1916 г.

Дорогая Булинька,

У нас все то же — полк по-прежнему на позиции. Каждый день обещают его снять, и каждый день он по-прежнему остается. Все это уже не так весело. К нам в обоз прибавился Кербер, который страшно изменился нравственно. Как-то ужасно постарел, жаль его очень⁶. Приехали из Петрограда двое молодых, и один уже отправлен в госпиталь — у него воспаление легких. Я имею очень много занятий в учебной команде, и от этого время, конечно, бежит быстрее — но все-таки остается время мыслить, и тогда невесело становится на душе. Третьего дня и вчера была великолепная теплая погода, летали аэропланы, но к ним я совершенно равнодушен. Сегодня с утра дождь и грязь отчаянная. В хорошую погоду, как вчера, приятно смотреть на небо, где ползут румяные тучки и треугольниками пролетают на юг гуси. Вчера получил от тебя письмо от 22 сентября. Конечно, для меня радость получать письма, — но, дорогая, я иногда ужасаюсь, как я постарел. Мысли у меня старые и хочется покоя. Читаю много, но все это не то.

Ну, пока до свидания. Целую тебя и детей. Христос с вами.

13 октября 1916 г.

Дорогой Миша,

Сегодня Станочка за завтраком сказала: «Что-то папочка наш делает» и задумалась. И так бы мы с ней много дали, чтоб действительно знать, что-то Ты делаешь? Вести от Тебя нет с 24, а в полку Шура тоже ничего мне не узнал. Верочка Твоя такая душенька и жаль, что Ты не видишь. С Твоего отъезда она еще больше развилась, тянется за Станочкой, играет в игрушки и особенно полюбила ее безглазого Ваньку, помнишь, которого Ты подарил Стане в прошлом году. Вере нравится его красная рубашечка, и она тащит в рот или его голову, или ноги, твою брекатушку она тоже любит и играет ей. В пятницу ей будет уже полгода, Боже, как быстро идет время и только одна война, как будто стоит на месте. У нас все по-прежнему, ничего-то мы хорошо не знаем и масса сил уходит на борьбу, чтоб получить какие-нибудь продукты. В полку твоём хотя и дают мясо, но очень по-немногу, фунта три и Алексей⁷ приносил все гораздо лучше, чем кухарка, но конечно, надо и за это быть благодарным. Твой пай в Гвардейском надо тоже обменивать, ибо на этот год он уже недействителен, а для обмена нужна какая-то твоя доверенность, я сама еще не была там и не знаю, но так меня по крайней мере уверяет Ариадна⁸. В Гвард<ейском>⁹ встретила Веру Анненкову и говорила с ней. Она замужем за каким-то Шателен. Муж ее артиллерист на фронте, живет она, кажется, с родителями мужа и, по ее словам, страшно счастлива, есть у нее и двухлетний сын. По словам Ари, она очень мила и элегантна, муж ее,

кажется, по образованию технолог и после пяти дней знакомства он сразу же сделал ей предложение, женихом и невестой они много ругались, но теперь обожают друг друга. Это все передала мне Ариадна, как это она успела все узнать от нее в Гвард<ейском> Общ<естве>, я не берусь Тебе сказать и за достоверность тоже не ручаюсь.

Хотелось бы мне только знать, вспоминает ли иногда Верочка Анненкова¹⁰ Жоржика или же окончательно его забыла? Еще Ариша была у Кати Галати, и та очень расспрашивала о Тебе и о твоих детях. Ее очень интересует, какие дети у Миши Семенова? Я сказала Аре, чтобы она позвала как-нибудь Катю Галати с ребенком к себе и что я приведу тогда девочек, и что дочки Миши Семенова очень хорошие. Сдается мне все больше и больше, что Катя Галати была к Тебе равнодушна, уж очень большой интерес она к Тебе сохранила. <...>

3 октября 1916 г.

Получила, милый Миша, сейчас Твои две открытки. Ты, правда, пишешь теперь редко, зато каждое письмо для меня праздник. Цензура, которая задерживает мои письма, действительно глупа, потому что я ничего ровно там не писала. Вся философия моя о войне состояла том, что я написала, что мне представляется, что Бог оставил людей самим распутывать всю кашу, которую они заварили и что только каждого убитого солдата Он целует и думает: «Глупые люди, когда вы опомнитесь и перестанете воевать», и при этом Он горько улыбается и ждет, чтобы люди сами перестали проливать кровь друг друга. Вот Тебе то, что я написала в письме.

Когда Ты уехал, передо мной опять встал вопрос о войне и эта мысль показалась мне красивой я представила себе, как Христос склоняется и целует солдата и что Он тоже недоумевает, зачем эта война и жалеет людей, но люди так далеко зашли, что Он уже не в силах им помочь и ждет, чтоб они сами прекратили войну. Я и написала Тебе об этом в письме, совершенно не думая, что это покажется крамольным господам цензорам и что вообще это способно кого либо смутить. Право очевидно, в Цензуре или совсем нечего делать, а я теперь стала гораздо осторожнее, чем была в прошлом году в своих письмах. Я обрадовалась сегодня, что Ты получил хоть какое-нибудь занятие, а то бездеятельность способна кого угодно известить. Ты только совсем ничего не пишешь, как Твои нервы и боль в ногах. Будь добр, напиши мне об этом.

Когда Шура был у Кутеповых, то те тоже говорили, что вас должны отвести в резерв, но пока об этом ничего не слышно. Сегодня Шура мельком говорил мне, что о тебе очень справлялся раненый Б. Шура до 7 находится на свободе, а после начнутся занятия в полку и он очень их трепещет и, по видимому, жалеет, что кончилось его пребывание в корпусе¹¹, там жилось беззаботнее. <...>

20 октября 1916 г.

Дорогая Булинька

Пользуюсь оказией. У нас все по-прежнему. Вчера по всему фронту здорово грохотало, сегодня же совершенно тихо. Полк сегодня сменяется на 6 дней. По всем видимостям такое положение продлится всю зиму и все разговоры онашем отводе останутся пустыми разговорами. Убивает грязь и мокрота. Местные Пенелопы говорят, что здесь иной зимы не бывает. От тебя что-то давно не было никаких известий, последнее от 9 октября, т.е. почти две недели. Что у вас творится? Как вы устроились с продуктами? Крайне интересно. Если будешь посылать посылку, то пришли мыло, теплых вещей, кроме папах, пока не надо.

Всего доброго, целую тебя и детей. Христос с вами.

А.Д. Семенов-Тянь-Шанский в форме (слева на груди университетский значок, справа крест Егерского полка и мадальйский крест Пажеского корпуса), октябрь 1916

26 октября 1916 г.

Дорогой мой Миша,

Как же это все-таки Тебя угораздило свалиться в яму, а главное, как Ты оттуда выбрался? Ведь если грязь такая липкая, то в темноте вылезти было почти невозможно одному, и неужели же ты там до утра просидел? И как нехорошо, что теперь Ты кашляешь и грудь болит. В первую минуту я подумала, как жаль, что Ты не сломал себе руку или ноги, приехал бы к нам, это было бы такое счастье. Но может быть, так к лучшему, не дай Бог ломать руки и ноги по-пустому. Напиши мне все-таки, как Твое самочувствие и сильный ли кашель? Ты спрашиваешь как обстоит у нас дело с продуктами? Мы находимся еще в удивительно хороших условиях, так как из разных обществ все-таки получаем все гораздо дешевле и только требуется затрачивать массу энергии, чтобы всюду не пропустить свою очередь. Из полка дали теперь точный список продуктов и в каком количестве Ты имеешь право их получить как женатый офицер. Дают они в месяц много и все дешево, скучно только то, что дают всего понемногу зараз.

Начала писать и не могла кончить, так как помешали: пришла Вера¹², потом к обеду пришел Ваня¹³, после укладывала детей спать; затем опять пришла Вера, которая сегодня изливала мне свою душу, затем Шура и Дези с Ник<олаем> Вас<ильевичем>¹⁴. Как видишь, бедлам страшный, все это очень мило, но немного утомительно, тем более что у меня насморк и чувство лихорадки. Заразили меня дочки Стана и Верочка, у них прошло, а у меня простуда кажется сильнее, чем у них. <...>

Николай Васильевич рассказывал только подробности взрыва на «Марии»¹⁵, там была адская машина, третья по счету. Две удалось обнаружить раньше, а эту прозевали. После этого в Севастополе начались массовые обыски и его тоже задержали в городе на 4 дня, так как и он был в Севастополе. Вообще безобразие, что такие вещи происходят.

Дорогой мой, как хочется иногда тебя увидеть. Твои письма последние такие печальные. Я все надеялась с каждым письмом, что тоска твоя пройдет и Тебе легче будет, да что-то она уж долго держится, должно быть тут и погода виновата. Сидеть в грязи без возможности гулять, ведь это ужасно. Надо только утешаться, что когда тучи, то аэропланы не летают, у нас тоже солнца нет. <...>

Верушенька все еще кивает головкой. <...> Кивает головкой, а хохолок волос тоже кланяется, и еще больше становится она похожа на маленькую хохлатую птичку. Любит она теперь бульон и ужасно радуется, когда его ест. Не знаю, идут ли у нее зубки, только спит по ночам она теперь плохо, просыпается часто и скандалит, и мне так не хочется просыпаться и ее кормить. А Лыжин¹⁶ просил меня не бросать кормления, так как с молоком в Петербурге очень скверно. Все молоко, которое приносит молочница и которое покупаем, или разбавлено водой, или же туда что-нибудь примешано. Только еще детское молоко с фермы пока хорошее, но надолго ли? <...>

27 октября 1916 г.
д. Михлин Волынской губ.*Дорогая Булинька,*

По-прежнему безумно тоскую, бывают отчаянные минуты какой-то тупой и черной апатии ничего не нужно — а только тоска, тоска. Конца не видно этой тоске. Читаю французские книги, сейчас закончил *Thais*¹⁷, оказывается, я довольно хорошо знаю язык и мне не составляет труда читать по-французски, если есть дома французские романы, которых не жалко, то пришли их мне — все-таки для меня будет хоть какая-нибудь польза от них и от пребывания здесь. Отчего тоска, не знаю, от того ли, что осень, что природа здесь бесконечно уныла, или от того, что устал душевно — черт его знает, но удивительно тоскливо. Последнее время погода несколько оправилась, днем тепло, светло и сухо, а ночью малороссийская луна зеленил малороссийские хаты, — только от этого легче не становится.

В этом письме посылаю тебе маленький осколочек от ручной гранаты, который поцарапал мне вчера руку, когда я обучал команду метанию гранат, это, да изредко налет аэропланов — вот все наши развлечения, которые дает наше здешнее пребывание, — не очень-то густо. Письма от тебя редко, родственники совсем не пишут — хоть бы Шура удосужился написать, что происходит в батальоне, а то точно все забыли меня. Здесь в полку страшно все недовольны безопасным батальоном, как здесь называют запасный батальон, и Москову¹⁸ грозит весьма большая неприятность, — по-видимому, здесь решено окончательно его убрать. Только это не распространяй. О, как бы хорошо было бы сейчас быть вместе с тобой в Гельсингфорсе, быть совершенно свободным и забыть все, весь свет, кроме того, что я люблю тебя. Мечты, мечты, где ваша сладость? <...>

Дорогая Булинька,

Первые плоды моей осенней музыки я посылаю тебе, может быть, ты одобришь ее робкие песни, вызванные тоской по тебе. <...>

*Орудий грохоту внимая,
Ловить приметы я привык;
Надеждой сердце обольщая,
Люблю туманный их язык.
Когда случайно месяц юный
Я вижу с правой стороны,
В моей душе мечтаний струны
Играют, радости полны.
Но если месяц бледноокий
Сверкнет в тумане слева мне,
Уже я жду — удар жестокий
Мне жизнь готовит в тишине.*

Пока хватит, думаю, что Муза еще раз посетит меня и тогда напоеет еще что-нибудь.

Вчера я расстался с Алексеем, который непонятно где схватил трахому и теперь находится в 374 передовом госпитале, надеюсь, что он скоро поправится. Временно взял денщиком дважды раненного, который был в мирное время у одного из офицеров полка. На днях к нам приезжал командир полка.

Справился о моем самочувствии, я сказал, что чувствую себя хорошо. Нога дает себя чувствовать умеренно и изредка. Но комендантство от меня ушло по-видимому уже безвозвратно. Тоска меня одолевает довольно часто, можно сказать, каждый день, серая, скучная тоска, — такая же серая, как погода, грязь непроходимая, вообще все гадко, гадко и гадко, и настроение глупое. Сегодня на позицию выезжает снова Кербер, который более или менее поправился. Сегодня же полк снова сменяет Измайловцев и будет стоять 6 дней. Вообще наш участок вследствие распутицы делается пассивным, т.е. никаких наступлений сейчас не предвидится.

Постепенно начинают новые офицеры приезжать к нам. Полк принимает снова Егерский вид, — впрочем, не полк, а обоз, так как наконец у нас пришли к заключению, что нельзя держать всех офицеров впереди, — что необходимо иметь некоторый запас их. За 15 июля командир полка представлен к золотому оружию. Можно сказать жаль, жаль, — но, как всегда, наш полк еще не успел написать представления к награждению офицеров. Жаль, жаль.

Ну, пока всего хорошего. Христос с тобою. Храни тебя и детей Христос.

Целую вас всех.

2-3 ноября 1916 г.
Деревня Михлин

Дорогая Булинька,

Сегодня получил посылку — полушубок, шинель, папаху, чулки, мыло и съедобные вещи, а также папирсы. Большое тебе спасибо за присылку, — но прости меня, а полушубок или теплую шинель, что — я еще не решил окончательно, я отошлю тебе обратно — ибо пока мы стоим здесь, а стоим мы, по-видимому, очень прочно, я в теплых шубах не нуждаюсь. Сегодня 2-е ноября и здесь в первый раз мороз, вообще же здесь настоящей зимы с морозами не бывает и пока что я не ощущаю холода. Очень был обрадован папирсами, так как здесь они страшно дороги. Еще более обрадован длинными письмами, после них было такое ощущение, точно я побывал у вас в Петрограде. Сегодня же получил письмо от Алексея — оказывается, его эвакуировали в Петроград. Я очень жалею об этом и сегодня же пишу Мартынову¹⁹ с просьбой позаботиться о нем. Беспокоит меня и участь Джемса, я так его

М. Д. Семенов-Ган-Шланский, 1916

и не получил. Попроси Шуру навести о нем справку в полку — с кем его ко мне пересылали? Затем еще раз прошу достать французско-русский словарь, издание Антик, лучше в папочном переплете. Сегодня второй день мороз — это, во всяком случае, лучше грязи последних дней. Скука и тоска здесь непомерная и, можно сказать, безнадежная — хотя мне иногда кажется, что мы находимся уже в последней стадии войны и конец должен быть ближе, чем мы представляем. В ближайшее время надо ждать нового морского сражения англичан с немцами. Неудачное для германа наступление в Румынии, неудача с набором поляков заставят их искать единственный еще выход, где они могут надеяться на победу — на морское сражение. Конечно, реального значения морская победа иметь не может, разбить английскую блокаду невозможно — но некоторый моральный отдых после года неудач оно дать может. Но это будет последняя попытка, если же флот окажется сразу разбитым — то сразу же будет просьба о мире. Война на исходе — оттого, может быть, так тяжело сидеть здесь, когда чувствуешь близость конца, но только еще не знаешь, когда. <...> напиши фамилию Веры²⁰ — кажется, Коноплева, — но я боялся перевернуть и потому написал ей девичью, как бы по рассеянности. Получила ли ты в Министерстве²¹ прибавку — если нет, то узнай, почему — для этого можешь позвонить Морачевскому²² и спросить его. Пока же всего хорошего. Кекс вышел очень вкусным. Целую тебя и девочек. Христос с вами.

8 ноября 1916 г.

Дорогая Булинька,

Ко дню моих именин у нас установилась зима, правда, снегу немного, но все-таки лежит, речки, озеро и болото замерзли и стало вообще холодно, и я уже простудился и получил насморк, боль горла и все, что дополняет легкую простуду.

Сегодня у меня будет легкий фестиваль — приглашенных много и чем угостить, будет тоже — начинается все в 5 часов вечера с шоколаду с кренделем, затем все постепенно переходит в легкий ужин с напитками под чарующие звуки граммофона. Чем кончится, предвидеть трудно. Сейчас мне в подарок начальник хозяйственной части Сокович прислал 1 бутылку коньяку — чем меня тронул до чрезвычайности. Если бы не тоскливая обстановка, было бы совсем хорошо. Тоска усиливается еще тем, что знаю, что у вас сегодня проводы Шуры на войну. Думаю о маме — вот кому должно быть здорово тяжело. Жаль, жаль, что его вызывают так скоро. Тем более жаль, что придется тосковать в окопах без особого дела — хотя, быть может, молодых еще оставят здесь при маршевом батальоне. Слухов о нашей дальнейшей участи колоссально много — но слухи, по правде сказать, здорово надоели и к ним относишься равнодушно. Кавалеристы нас на днях покидают, и я надеюсь, что и до меня дойдет командование ротой — а то здесь в команде однообразие занятий нагоняет безумную тоску, начинаешь придумывать себе развлечения, вроде раздачи полтинников хорошо колющим егерям или еще что-нибудь в таком роде. На днях к нам приедет Квицинский²³, и я тогда надеюсь беседовать с ним на тему, что я благодарен за то, что меня почему-то берегут, — но что считаю это несправедливым и ненужным, раз я сам добровольно приехал. Ты, пожалуйста, не бойся — лучше попривыкнуть в окопах, чем сразу, как покойный Ниротморцев, попасть в бодание, не зная ни людей, ни обстановки, и быть, как он, убитым. Ведь и он был в учебной команде, вызвали его в 10 утра, а уже в три он был смертельно ранен²⁴. Ну, да там будь что будет.

Ты тоскуешь, что я мало пишу — действительно, я пишу мало, — но что делать — не хочу тебя заражать моим тоскливым настроением, которое теперь является господствующим. Стараешься как можно более аккуратно ходить на занятия и тогда не замечаешь времени. Встаю я в 7, в 8 уже на занятиях до 12 часов, затем до 2-х перерыв и обед — стараешься не быть одним, с 2 до 6 — занятия, а там опять идешь в Собрание и из-за темноты застревашь до позднего времени, т.е. до 9 часов, чтобы не ходить в темноте и по грязи взад и вперед, и ложишься спать — и так каждый день, обращаешься в машину и бываешь рад, когда не даешь работать мысли, — чтобы не ощущать тоску.

Бессмысленная жизнь — вот идеал, которого хочешь достигнуть. Разве же могу я писать в это время!

Ну, пока всего хорошего. Целую тебя крепко — тебя и детей. Храни вас Бог. Теперь у тебя с мамой²⁵ общие интересы, может быть, вы сойдетесь ближе друг к другу. Фотографии эти посылаю Стане.

Дорогая Станочка, Сегодня у нас тепло. Светит солнышко, и снег уже весь растаял, — растаяла и лужа, о которой я вчера тебе писал. Гуси очень обрадовались и стали в ней купаться, а вода в луже была грязная и гуси все стали грязными. Петухи все время кричат и говорят дождик будет, а на небе ни одной тучки и солнце блестит. Кошка, которая приходит в гости к папе, села на окошко и моется, должно быть, зовет гостей, — это дядя Шура едет сюда. Сегодня, когда папа занимался с солдатами, прилетел немецкий аэроплан, он бросил три бомбы, — но ни в кого не попал. Тогда стали в него стре-

лять из пушек и он скоро улетел. В этом письме папа присылает карточки, — это немецкие карточки, ты покажи их бабушке, тете Але, няне и дай потом маме, пускай их мама бережет. В папины именины было весело, был очень вкусный шоколад и крендель. Папа дал крендель собаке Шарик, и Шарик был очень удивлен, громко лаял и махал хвостом.

Ну, до свиданья, моя милая дочка, поцелуй Верочку и маму крепко крепко.

Твой Папа

13-14 ноября 1916 г.

Милая, дорогая Булинька,

Ты хочешь знать, отчего я не комендант, отчего я в учебной команде и надолго ли? Милая моя, ты знаешь, что я ехал сюда без всякой охоты, ехал потому, что думал, что полку нужен каждый офицер, который только способен еще действовать умом. Приехал я сюда и понял, что я-то, во всяком случае, никому здесь не нужен. Не нужен, потому и не получил обратно моего комендантства, и это было подчеркнуто еще тем, что через неделю после моего приезда назначили комендантом другого.

В окопах оказался ненужным тоже, — ну, меня и оставили в учебной команде — где я тоже, должно быть, не нужен. Не нужен я был и раньше — этому доказательство в том, что несмотря на то, что 15 июля я все-таки кое-что делал, находясь на передовых позициях, я никакой за это награды не получил и не получу, хотя все офицеры, которые даже не были тогда в деле, получают награды. Тяжело, Булинька, быть ненужным. Увы, я слишком был идеалист, меня мучила совесть, что я, призванный на защиту родины, сижу в Петрограде, в то время как другие сидят в окопе. — Булинька, все это оказалось не тем — в окопах сидят глупые и безвольные мальчишки, а все другие сидят в тепле и уюте и только смеются над теми, кто принесит себя в жертву. В наши дни смешно быть идеалистом, смешно иметь совесть. Возьми хоть такой пример — 15 июля — день победы нашего полка, наше дело помогло многому в этот день, помогло нашим соседям Преображенцам, которые заняли ночью пустое Райместо, — за 15 июля командир Преображенцев Дрентельн²⁶ получил золотое оружие, а наш не представлен даже к очередной награде. После 3-го и 7-го сентября к нам в полк были приглашены на гастроли 13 кавалеристов, в то время как 13 наших коренных офицеров находятся в безопасных командировках. Теперь к нам приехало 15 мальчишек — а старики остаются в Петрограде. Зачем им сюда ехать! Ведь эта же молодежь тянет их в производство — а в Петрограде нет ни снарядов, ни пуль, ни аэропланов.

Что такое любовь к родине, что такое гражданский долг! — Булинька, все это слова, и человек, который искренне их исповедует — тот ненужный, лишний человек. Есть отчего получить тоску. Много гадкого вскрывает война — но у нас она, кажется, вскрыла чересчур много, и так горько и трудно видеть, что из-за мелкого торгашества людей погибло так много других более достойных жизней. О, если бы я мог отсюда вырваться и на все наплевать — ведь я ничего не могу сделать, я только могу все впитывать в себя, как губка, и от этого тосковать. Обиды личные, обиды общественные, обиды за товарищей, обиды за Россию — все это приводит меня в то состояние, в котором я сейчас нахожусь. У меня слишком много времени, чтобы думать, вот почему хочется в окопы, где времени не будет для мысли, где, возможно, пройдет и эта тоска. И представляется мне Россия огромной навозной кучей, от которой идет удушливый смрад. Горько разочароваться в том, что любил, во что верил. Как зло, как ужасно слышать: «У нас еще хватит на сколько угодно времени людского материала». Быть этим людским материалом, этим навозом для благополучия мерзавцев — это слишком тяжело. А ведь наш солдат есть только людской материал, в этом я теперь убедился, состоя в учебной команде. Что такое Россия, куда идет она? Безвольная серая масса, не она идет, а ее ведут, и ведут ее ее же враги. Нет, дорогая моя, в эти дни, когда видишь так много, завидуешь тем, кто ушел уже от жизни и жалеешь, что не ушел вместе с ними.

Ты пишешь мне все, что я нужен вам, — охотно верю, — но что я могу дать детям — я-то сам во всем так разочаровался, что не смогу дать им ни любви, ни веры в родину — ради которой я нахожусь здесь, вместо того, чтобы быть с вами. Для меня самое обидное то, что я всем дорогим пожертвовал — но оказалось, что жертва-то моя не только не принята, не только не нужна, — но жертва моя смешна. Ведь это уже отчаяние! Я пишу тебе и плачу — потому что так больно чувствовать, что все, во что верил, что хранил и берег как свое лучшее и святое — все это оплевано, все это не нужно. Я никому не нужен, потому что я слишком был чист, и горе мое в том, что и дальше я никому не буду нужен, потому что несмотря ни на что я всегда останусь тем, чем я был. Отчего я в команде временно, ясно уже из того, что учебная команда — временное учреждение, я попал к началу ее, срок обучения ней два месяца; теперь срок этот как раз кончается, оставят ли меня в новой команде, соберут ли вообще

новую команду — этого я не знаю.

Вчера приехали Шурины товарищи, большинство из них зеленая молодежь, какие-то едва оперившиеся чижики. И сразу же их всех посадили в окопы, так как полк вчера заступил на позицию. На позициях сейчас, как будто, тихо. Последние дни была ясная погода, что дало возможность летать германским аэропланам. В среду было очень интересно — прямо над нами кружил германец, который уже успел не-вдалеке сбросить бомбы. Я был на тактических занятиях с моим взводом, взвод лежал рассыпанный в цепи. Вокруг аэроплана рвались наши шрапнели, и все осколки их сыпались с легким свистом вокруг нас и падали совсем рядом. В четверг немец снова появился над нами. Он выпустил какую-то сигнальную ракету — но в это время его атаковали три наших аэроплана и немец, завидя их, стал быстро удирать. С невыразимой высоты немец стал быстро спускаться вниз, в проходящее внизу облако. Наш шел за ним, обстреливая его из пулемета. Немец старался удрать, но наш его нагонял, — все ниже спускался герман — и говорят, он все-таки был повержен нашим аэропланом, к сожалению, на линии немцев. Аэропланное развлечение подняло несколько настроение.

Посылки твои я все получил, кроме Джемса, который еще едет с другими посылками. Письма ваши я тоже все получил и очень вам благодарен за них. Рафино письмо я получил тоже. Все, что ты пишешь, очень грустно, но даст Бог, все образуется. В общем, Штюмера²⁷ уже нет — это, как-никак, реальная победа Думы — надо надеяться, не последняя.

Ну, пока всего лучшего. Храни вас Бог. Целую тебя и дочек. Привет всем.

21 ноября 1916 г.

Деревня Михлин Луцкого уезда Волынской губернии

Дорогая Булинька!

Опять подряд два праздника²⁸ — в другое бы время радовался этому, а здесь такая тоска, что не знаешь, куда деться. Несчастье мое еще в том, что не могу долго спать, встаю, как и в будни, от этого праздничный день становится еще длиннее. В моей же комнате сидеть не приходится, так как мои сожители имеют обыкновение долго спать. Читаю, но все время читать невозможно — устаешь читать и тогда не знаешь, что делать. Вчера, наконец, получил Джемса, который к несчастью в дороге пострадал, так как облит керосином. Третьего дня получил французские книги. Так что все, что ты посылала, я получил.

Э.А.Семенова-Тян-Шанская. 1915

В субботу я отправил тебе посылку на имя Алексея, может быть, он сам заявится у вас, и ты ему передашь ее. В удовлетворение твоего любопытства скажу, что мы находимся недалеко от Луцка, т.е. все время там, куда нас перевели в августе месяце и где мы получили так много убитых в свое время. Теперь у нас тихо, только изредка поднимается артиллерийская перестрелка. Весь центр тяжести теперь в Румынии, откуда сегодня пришли приятные вести. Очень грустно только, что Алексеев чрезвычайно сильно болен и едва ли выживет²⁹, впрочем, вместо него предполагают Гурко, который сейчас временно исполняет обязанности Алексеева. Гурко³⁰, судя по его приказам по армии, — мы ведь были в его армии³¹ — чрезвычайно светлая голова, молодой, энергичный, не в пример другим начальникам сам бывал на передовых позициях, сам поверял секреты и держит всех в здоровом страхе.

Сам я пока все еще нахожусь в учебной команде, но завтра она кончается. Что будет со мной, неизвестно. Во всяком случае, я заявил, что я не согласен быть младшим офицером у какого-нибудь чижика, а так как не-чижиков теперь нет, а я надеюсь, что к моему желанию отнесутся серьезно, то или мне дадут роту, или назначат в пулемет-

ную или пушечную команду, я же сам прошу именно пушечную команду. Тогда я, по крайней мере, буду самостоятельным. В моем возрасте быть младшим офицером трудно, особенно в роте. Во всяком случае, участь моя решится на днях — тогда напишу.

Сейчас получил от тебя новую посылку — папиросы и мятные пряники. Очень приятно знать и чувствовать твою любовь и заботы обо мне. Милая, ведь я их не стою, я-то очень мало думаю о твоём спокойствии. Иногда мне кажется, что моя тоска, мое ночное метание из стороны в сторону происходят оттого, что я потерял простодушную веру, что жить как все, без думы о вере и о религии я не могу — и мечусь как угорелый от мелочности и суеты нашей жизни. Я завидую Лёле³², который нашел свою духовную радость. Если бы я мог найти эту духовную радость и примирить с ней всю неправду и нехорошость нашей жизни, может быть, я не метался бы.

Ты думаешь, мне самому легко, но вокруг себя я ощущаю ужасную пустоту, ощущаю все время, когда оно у меня ничем не занято. Это говорит совесть. У вас в Петрограде она меня гнала на войну, здесь гонит в окопы — но и в окопах она меня будет гнать еще куда-нибудь. Сколько раз я говорю [себе]: надо быть эгоистом, надо больше думать о себе, но,

в конце концов, ведь это слова, из них ничего нельзя сделать — когда совесть говорит иное. Вот и теперь я пишу, а совесть уже шепчет: ты хочешь, чтобы тебе сочувствовали, чтобы тебя хвалили, но что ты делаешь? Ты самый пустой эгоист, вечно любишь себя и только о себе думаешь, ты притворяешься, что любишь жену и детей, ты их вовсе не любишь, ты притворяешься, что тебе стыдно сидеть в теплой халупе, когда другие сидят в окопах, — ты боишься только одного, чтобы о тебе не подумали худого, что ты трус, и ты рвешься в окопы только для этого. И сколько правды в моей совести. Ведь, конечно, я трус, и конечно, боюсь идти в окопы. — Это нервы, скажешь ты, — но дело совсем не в нервах: просто-напросто страшно — и стыдно сознаться в этом страхе. Вот это «стыдно сознаться» — этот стыд перед мнением других — это и есть моя слабая черта. Эта слабая черта и гонит меня с места на место — и всюду от нее я чувствую тоску и пустоту.

Я, дорогая моя, запутался совсем, давно не думал, как следует и оттого не умею теперь разобраться в самом себе. Господи, иногда кажется, что я принес огромную жертву, бросив все мне дорогое, и тогда я люблю вас, люблю тебя и Станочку и Верочку и мне так недостает вас и хочется к вам в Петроград, и кажется ужасным, что я не скоро еще вас увижу, — а иногда я совсем не думаю о вас и ловлю себя на этом и удивляюсь, как я могу быть таким равнодушным. Повторяю, что я запутался сам в себе — и самое было бы лучшее, если бы я мог сейчас приехать к вам, это мне страшно теперь хочется, и если бы я мог, я бы уже был у вас.

В общем, я чувствую себя хорошо. Товарищи мои относятся ко мне хорошо, солдаты тоже меня любят, это как-то чувствуется и в их улыбке, и в разговоре, когда я говорю с ними. Когда-то, когда я был мальчиком, я мечтал быть ангелом мира, быть человеком, который всем приносит радость. — Если бы я мог это делать теперь! — Вот, может быть, разве солдатам я приношу некоторую радость — но, во всяком случае, не тебе. Не оттого ли мы так любим детей, что они бессознательно приносят людям радость. — Как хорошо знать, что где-то есть маленькая Станочка, которая откладывает

Стана Семенова. 1917

два камушка, играя, для папы, когда папа вернется, — и хочется, чтобы желание ее исполнилось бы и папа бы вернулся. А ее письма — разве они не доставляют бесконечную радость! Что такое счастье? — счастье это когда ты другому доставляешь огромную радость, и доставить эту радость это и есть цель нашей жизни, только вопрос, кому и как доставлять эту радость — всем ли, с кем ты встречаешься или только тем, кого ты любишь. Христианство говорит — всем, а здоровый человеческий эгоизм говорит — только себе.

Я вообще зафилософствовался, ты прости мне весь этот вздор — во всяком случае, из него ты можешь узнать, что мне теперь гораздо стало легче. Частью уже перемололось, может быть, перемелется и дальше, только бы нам увидеться.

Спасибо тебе за память, поцелуй дочурок, дай вам Бог всего хорошего. Христос с вами. Целую тебя, моя милая. Жаль, что не скоро увидимся, а так бы хотелось быть с тобою. Сегодня утром меня укутывал шубой мой денщик и мне так это понравилось, и я подумал: что бы я дал, чтобы вместо денщика была бы ты.

Ну, всего хорошего. Целую тебя, Христос с тобой. И все-таки, в конце концов, хорошо жить на белом свете!

22 ноября 1916 г.

Дорогой Миша,

Я Тебе не писала целых два дня и от Тебя давно писем не имела, уже больше недели. А с тех пор, как ты написал письмо, прошло уже две недели; очень неприятно, когда так долго нет известий. И я замечаю, что я становлюсь со всеми окружающими как-то злее и раздраженнее, так как все время ловлю себя на том, что жду писем.

Надеюсь все-таки, что скоро письмо получу и что это опять задержка почты, а в вашей жизни ничего не произошло, что бы мешало тебе писать. Шура тоже до сих пор не получил писем от своих товарищей. Его судьба определилась теперь так: он и еще один прапорщик отвезят следующую маршевую роту; случится это до 7 декабря, это крайний срок отправки. Сначала Шура (в первый день) был очень счастлив, когда выяснилась его судьба, но теперь кажется он чувствует меньше радости, чем в начале.

Запасной батальон вчера принял Герих³³, все очень довольны его назначением и Москва не жалеют. Когда Герих принимал батальон, то он должен был каждые 10 минут уходить прочь, так как его все время тошнило, таково состояние его здоровья, правда, печально?

Вчера я читала в приказе речь, которой Москов прощался с батальоном. В отношении стиля он заставляет желать много лучшего, у него все больше и т.д. и тому под~~обное~~ и многоточия, да и сам он кажется чувствует, что что-то нето, так как говорил офицерам, что немного не вышло. Удивляет меня очень, что Усов, говорят, уходит, и не больше не менее, как в Гвардейское Экономическое общество. Почему-то не желает быть в подчинении у Гериха.

Евгения Михайловна пока относится к отъезду Шуры поразительно разумно и спокойно, может быть, прямо этому не верит и надеется, что он все-таки останется, но так она так же покойна, как и всегда. Ты писал мне, что может быть я теперь сойду с ней ближе, так как у нас будет общность интересов. Не думаю, чтобы это случилось, мне слишком больно ее отношение к тебе, и это простить мне очень трудно, ведь все-таки кроме Шуручки она ничего не видит и по-прежнему, когда Шуручка спит, весь дом ходит на цыпочках и говорит шепотом, а о Коле³⁴ и о тебе никакого беспокойства не заметно. Меня это ужасно обижает, и мне больно, больно за тебя.

Вчера уехал Леонид, уезжая, он очень просил меня написать ему, какие будут от тебя письма и все ждал от тебя ответа. В Леониде произошла большая перемена, он стал гораздо больше как все люди, больше интересуется, мягче ко всем относится, и сам он как будто довольнее, а главное, радостнее. А так он стал совсем православным, ходит в церковь и т.д. Говорит, что выше православия по духу ничего нет, такое громадное впечатление произвели на него старцы в Оптиной пустыни. Даже мне он подарил книжку жития какого-то святого, должно быть, и меня хочет обратить на праведный путь. Все это очень удивительно, и я с Шурой никак не можем понять, как произошла в нем эта перемена, но только сам он от этой перемены, безусловно, стал счастливее. Я спросила его, что может быть, он сам пойдет потом в монахи, и он ответил: «Может быть». Леонид и монахи, как это не вязалось с ним раньше. Правда?

Он очень подружился со Станочкой и, по-видимому, полюбил ее. <...> Мне всегда раньше казалось, что

на Верочке лежит отпечаток печали, теперь это совсем прошло. Вот и сейчас она возится с няней и заливается смехом, я слышу ее взвизгивания и как она радостно смеется на нянины слова, кажется, они играют в прятки. <...>

Сегодня получила письмо от Алексея. Он пишет, что глаза его лучше. Его водили к главному доктору, и тот нашел раздражение века и прописал цинковую мазь. Кажется, это раздражение не бывает самостоятельно и является следствием трахомы, так, по крайней мере, сказала Аля докторша в школе у финляндцев³⁵. Алексей пишет, что в лазарете после лечения всем солдатам дают месячный отпуск. Не знаю, как он поступит, воспользоваться отпуском очень соблазнительно, а с другой стороны, он боится, что ты будешь недоволен и что потом он рискует попасть в маршевую роту. Я была у него раз и писала потом тебе об этом, не знаю, получил ли ты письмо?

Погода у нас отчаянная, зимы и снега до сих пор все еще нет, все еще темнота, сырость, туманы и дожди. С самого утра уже ничего не видно, все это действует на нервы, мало бодрости и энергии. Хоть бы скорее прошло это время и выпал бы снег, веселее будет. <...>

Сейчас буду кормить Веру. До свидания, мой дорогой, целую тебя крепко, крепко. Храни тебя Бог. Стана и Верочка целуют папу, а все остальные шлют поклон.

Подпоручик В.Л. Кербер накануне отправки на фронт, лето 1916

- 1 А.П.Семенов-Тянь-Шанский (1866-1942), дядя М.Д., выдающийся зоолог, профессор.
- 2 Книжный магазин Вольфа.
- 3 Книга «Многообразие религиозного опыта» американского философа и психолога У. Джеймса.
- 4 М.Д. Леонид Дмитриевич Семенов-Тянь-Шанский (1880-1917), старший брат М.Д., поэт-символист, толсто-вец.
- 5 Иван Васильевич Петрашень (1875 – 1937), муж сестры Э.А., инженер.
- 6 В.Л. Кербер был контужен во время ковельского сражения, там же погиб его двоюродный брат, также офицер Егерского полка.
- 7 Алексей – бывший денщик М.Д., сопровождал его в поездке в Сибирь с миссией Красного Креста.
- 8 А.Д. Семенова-Тянь-Шанская (1886-1920), младшая сестра М.Д.
- 9 Магазин Гвардейского Общества на Б. Конюшенной улице.
- 10 Вера Анненкова, возможный прототип Аси, героини неоконченной повести Г.А. Парланда.
- 11 Шура окончил ускоренный курс обучения в Пажеском корпусе 1.10.1916 и выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Егерский полк.
- 12 В.Д. Семенова-Тянь-Шанская (1883-1984), сестра М.Д., художница.
- 13 И.В.Петрашень.
- 14 Сестра Э.А. и ее муж Н.В.Благовещенский.
- 15 7 (20) октября 1916 г. на линкоре «Императрица Мария», стоявшем в Северной бухте Севастополя, около 6 часов утра произошел необычайной силы взрыв. Вслед за первым взрывом в течение получаса последовало еще до 25 взрывов. В 7 ч. с правого борта раздался последний большой взрыв. Линкор спустя несколько минут, перевернувшись вверх килем и затонул, унес с собой жизни ста тридцати офицеров и матросов.
- 16 Борис Павлович Лыжин, семейный доктор.
- 17 Роман А. Франса.
- 18 Москов Платон Александрович, р. 1871, полковник, командир Запасного батальона.
- 19 Николай Николаевич Мартынов, офицер лейб-гв. Егерского полка. После революции эмиграции в Бельгии.

- ²⁰ Сестра Вера весной 1916 г. вышла замуж за фронтового офицера Б.А.Коноплева. Она познакомилась с ним, работая сестрой милосердия в военном лазарете.
- ²¹ Министерство земледелия, где М.Д. служил до мобилизации.
- ²² Виталий Витальевич Морачевский (ум. 1918 г.) статистик, заведовал справочно-изд. бюро при департаменте земледелия.
- ²³ Квицинский Борис Иосифович (1868 – 1934), командир лейб-гвардии Егерского полка.
- ²⁴ Подпоручик Ниротморцев Михаил Юрьевич. Умер от ран 4.09.1916 г. Погребен в склепе полковой церкви св. Мирония Егерского полка в Петрограде (разрушена в 1934 г.).
- ²⁵ Е.М. Семенова-Тян-Шанская.
- ²⁶ Дрентельн Александр Александрович (1868 — 1925), командир Преображенского полка (28.11.1915-27.04.1917), свиты генерал-майор. После революции не эмигрировал, умер в Вологодской губернии.
- ²⁷ Б.В. Штюрмер (1848-1917), считавшийся одиозным председателем Совета министров.
- ²⁸ День архистратига Михаила (8 ноября ст. ст.) и праздник Георгиевских кавалеров (26 ноября).
- ²⁹ Генерал М.В. Алексеев страдал тяжелой почечной недостаточностью, от которой и умер в 1918 г. в начале Гражданской войны.
- ³⁰ Генерал В.И. Гурко (1864-1937), во время отпуска по болезни М. В. Алексеева с 11 ноября 1916-го до 17 февраля 1917 года исполнял обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего.
- ³¹ 4 августа 1916 года Гурко назначен на должность командующего войсками Особой армии, созданной на базе армейской группы генерала от кавалерии В. М. Безобразова. После передачи армии в состав Юго-Западного фронта перед ней была поставлена задача нанесения удара на Ковель. Однако намеченное на 17 сентября наступление было сорвано ударом германской группы генерала кавалерии Г. дер фон Марвица. С 19 по 22 сентября Особая и 8-я армии провели безрезультатное пятое Ковельское сражение, а к концу месяца — шестое.
- ³² Леонид Дм. Семенов-Тян-Шанский в это время переживал духовное возрождение, преодолев свои заблуждения, посетил Оптину пустынь.
- ³³ Фон Герих Павел Карлович (1872-1950) – офицер, генерал-майор Егерского полка, умер в Бельгии.
- ³⁴ Н.Д.Семенов-Тян-Шанский (1887-1974), мл. брат М.Д., воевал в составе сухопутного батальона Гвардейского морского экипажа, позже на крейсере «Варяг», затем в эмиграции в Англии и во Франции.
- ³⁵ Выборгское коммерческое училище в Петрограде.

Semenov-Tyan-Shansky M.A. – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Head of Laboratory, POMI RAS
Zadneprovskaya A.Yu. – Candidate of Historical sciences.

LETTERS FROM 1916 (LETTERS FROM THE ARMY TO PETROGRAD AND FROM PETROGRAD TO THE ARMY)

Annotation. In this publication – wartime correspondence between husband and wife – Mikhail Dmitrievich Semenov-Tyan-Shansky and Emmy Andreevna (in girlhood Parland). Correspondence covers the events of May-December 1916. The first part of the correspondence is published in this issue: the end of September - November 1916.

Keywords: World War I, Petrograd, front, army, family, M.D. Semenov-Tyan-Shansky, E.A. Parland.